

В МИРЕ
ПРЕКРАСНОГО

ЗВУЧИТ СИМФОНИЯ...

НА ПОРОГЕ своего тридцатилетия, весной 1936 года, Дмитрий Шостакович завершил Четвертую симфонию, знаменовавшую обращение композитора к трагическим темам в симфонизме. Уйдя от обобщенной тематики предыдущих Второй и Третьей симфоний, Шостакович стремился расширить содержание, стиливые источники творчества и создал колоссальное полотно — своего рода монументальную симфоническую импровизацию, предельно эмоциональную.

Эта симфония как бы освободила композитора от чрезмерного трагического перенапряжения. Достигнув зрелости, немало пережив, он знал теперь, что человек может возвыситься над обстоятельствами, подчинить их творчеству. Пришла стойкость, а с нею и полная дисциплина мысли.

18 апреля 1937 года Шостакович написал начальные страницы следующей, Пятой симфонии. Сочинялась она быстро, главным образом в июне-июле. Медленная часть была написана за три дня. Состояние душевной концентрации, полной раскованности напоминало одиннадцатилетней давности счастливые времена работы над Первой симфонией, с которой Пятая многим перекликалась: в душе вновь возникали пушкинские «видения первоначальных чистых дней», их «непреклонность и терпение».

Если параллельно Четвертой симфонии мог быть трагизм «Братьев Карамазовых» Достоевского, то Пятая озарялась верой в прекрасное, звучавшей у Достоевского, как во всей классической русской литературе: «Я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей... Я видел истину... и живой образ ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в

Сегодня в Большом зале Ленинградской филармонии на концерте памяти Д. Д. Шостаковича исполняется его Пятая симфония. Первым интерпретатором этого сочинения был Е. А. Мравинский. Он будет дирижировать симфонией и сегодня.

Публикуемый очерк посвящен страницам истории Пятой симфонии, созданной в Ленинграде тридцать восемь лет назад и ставшей вершиной симфонического творчества гениального композитора.

такой восполненной целостности, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей».

Автобиографичность произведения не вызвала сомнений. Один из искусствоведов, с которым композитор делился некоторыми мыслями о своем творчестве, утверждал тогда в прессе, что «новая симфония Шостаковича носит ярко выраженный биографический характер».

Биографичность, однако, воспринималась как воплощение объективного: художник обрел способность понимать и представлять связь своей жизни с жизнью всего человечества. Потому, прослушав симфонию, выдающийся советский пианист Генрих Нейгауз писал: «Шостакович, который в молодости отдал такую обильную дань сатире, гротеску, который мог доводить слушателя до боли и возмущения, сейчас создал глубочайшую трагедийную музыку, человечную и простую; он, который так часто говорил «нет», сказал теперь «да» и как сказал!»

Сам автор указывал: «Рождению этого произведения предшествовала длительная внутренняя подготовка... Не все в моем предыдущем творчестве было равноценно. Были и неудачи. И я стремился, работая над Пятой симфонией к тому, чтобы советский слушатель ощутил в моей музыке поворот в сторону большей одухотворенности, большей простоты». На очередной ступени творчества, когда оно наполнилось мудростью пережитого, неизбежно возникло то, что можно назвать проецированием классического в современное: вечная связь времен, без которой

не формируется истинно новое.

Такое единство, дополненное высоким мастерством, определило решающие черты произведения, много раз служившие предметом восхищенного изучения.

Рассказать о процессе создания симфонии ныне крайне затруднительно. Шостакович почти не сохранил черновиков, набросков, нет у него эскизных тетрадей, подобных бетховенским, — столь драгоценного материала для постижения «лабораторного» периода работы. Не только эту симфонию, но и другие произведения он писал обычно почти начисто, а если и случались наброски, то уничтожал их, словно стесняясь свидетелей усилий, закрывая дверь в «тайны» созидания, как в нечто совершенно личное, сокровенное.

Известно, что наибольших усилий потребовал отбор мелодического материала — композитор стремился добиться оригинальной мелодической основы, отвечая таким образом на упреки в скудности мелодического воображения, раздававшиеся в то время в его адрес.

Именно Пятая симфония выдвинула на первый план необыкновенную силу чисто тематических элементов. Никогда прежде не удавалось Шостаковичу создать в одном сочинении такое обилие масштабных выпуклых мелодий; вся медленная часть произведения воспринимается как непрерывная песня скорбного сердца, как бетховенское по истокам пение, говорящее о печали и надежде. Новизна симфонии отнюдь не

классические принципы организации музыкального материала, в частности классическую систему тональности, а расширяла ее. При этом черты мелодического мышления были четко соотносены с формой, оркестровкой.

В целом стиливые приметы Шостаковича в Пятой симфонии выявились наиболее полно, а сама симфония стала образцом симфонического стиля века — ничего не опровергая, композитор все подчинил своему ощущению действительности.

Симфония была закончена 20 июля 1937 года. Ранней осенью автор показал ее на заседании в Ленинградском отделении Союза композиторов. Старейшина советских музыкантов Юрий Шапорин плакал, потрясенный силой таланта композитора, выковавшего свое обобщение жизни.

Осенью симфонию включили в программу декады советской музыки, посвященной 20-летию Великой Октябрьской революции.

Премьеру поручили Евгению Мравинскому. «До сих пор не могу понять, — писал он в 1966 году, — как это я осмелился принять такое предложение без особых колебаний и раздумий. Если бы мне сделали его сейчас, то я бы долго размышлял, сомневался и, может быть, в конце концов не решился. Ведь на карту была поставлена не только моя репутация, но и — что гораздо важнее — судьба нового, никому еще не известного произведения».

Первоначально Шостакович тревожился за результат. Ему казалось, что дирижер слишком много «копается» в мелочах, анализирует и что это повредит цельности интерпретации. Но в процессе репетиций стало ясно, что, как писал сам Шостакович, «такой метод является, безусловно, правильным».

Премьера 21 ноября 1937 года прошла с триумфальным успехом.

Присутствовавший на ней известный ленинградский композитор и музыковед В. М. Богданов-Березовский писал: «Все поняли, родилось большое, философски глубокое, выстраданное произведение огромной воздействующей силы, в котором мастерство измеряется не совершенством отделки, не богатством фактуры, сразу поражающими слушателей, а значительностью идейного содержания концепции».

После Ленинграда Пятая симфония под управлением А. Гаука, Е. Мравинского и других дирижеров прозвучала в Москве, Харькове, Архангельске, Хабаровске, Тбилиси.

14 ноября 1938 года Мравинский дирижировал Пятой в Москве, в Большом зале Консерватории, а 30 ноября — в Большом театре, на заключительном концерте декады советской музыки. В феврале 1939 года симфонию повторили в Ленинграде, в июне того же года она прозвучала в Кисловодске.

Успех Пятой симфонии был продолжен и за рубежом, где ее исполнителями выступили Л. Стоковский, А. Тосканини, О. Клемперер. В июне 1938 года симфония прозвучала в Париже, в концертах цикла «Песни мира» под управлением Р. Дезормьера, в следующем году — в Копенгагене под управлением Т. Иенсена.

Сочинение властно вошло в жизнь, как совершенное отражение главных источников гения Шостаковича, его веры в нравственные идеалы, его обостренного восприятия сущности времени, его великого мастерства.

Три вершины тогдашнего периода творчества композитора — опера «Катерина Измайлова», Четвертая, Пятая симфонии навеки вошли в сокровищницу мирового музыкального искусства.

С. ХЕНТОВА